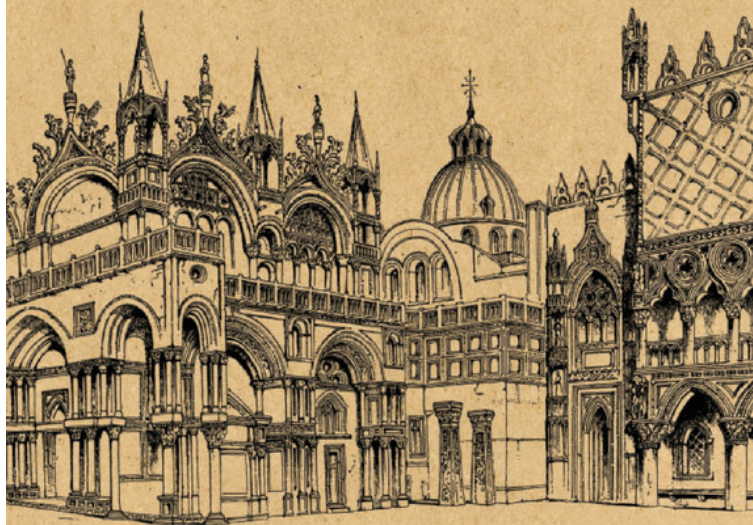

*Искусство
и действительность*

ДЖОН РЁСКИН
ТЕОРИЯ КРАСОТЫ

РИПОЛ
КЛАССИК

Джон Рёскин

Теория красоты

Серия «Искусство и действительность»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23893442

*Дж. Рёскин. Теория красоты: ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик»; Москва; 2016
ISBN 978-5-386-08896-5*

Аннотация

Джон Рёскин (1819–1900) – выдающийся арт-критик XIX столетия, интеллектуал по призванию, общественный деятель, занимавшийся вопросами социальной несправедливости. Книга «Теория красоты» – это монолог, обращенный к читателю, в котором прославленный искусствовед рассуждает о взаимосвязи искусства и нравственности, искусства и религии, искусства и природы. В книге Рёскин не только высказывает мнение, но и обосновывает его, порой безапелляционно и горячо. Как он сам писал: «Говорить и действовать правдиво постоянно и неизменно почти так же трудно, пожалуй, как действовать, невзирая на угрозы и кары». Эта книга для тех, кто любит искусство и ищет удовольствие от соприкосновения с мыслью вне общепринятых правил.

Содержание

Искусство и нравственность	6
Искусство и религия	27
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Джон Рёскин

Теория красоты

John Ruskin
Study of Leaves

© John Ruskin 1869 by Elliot and Fry

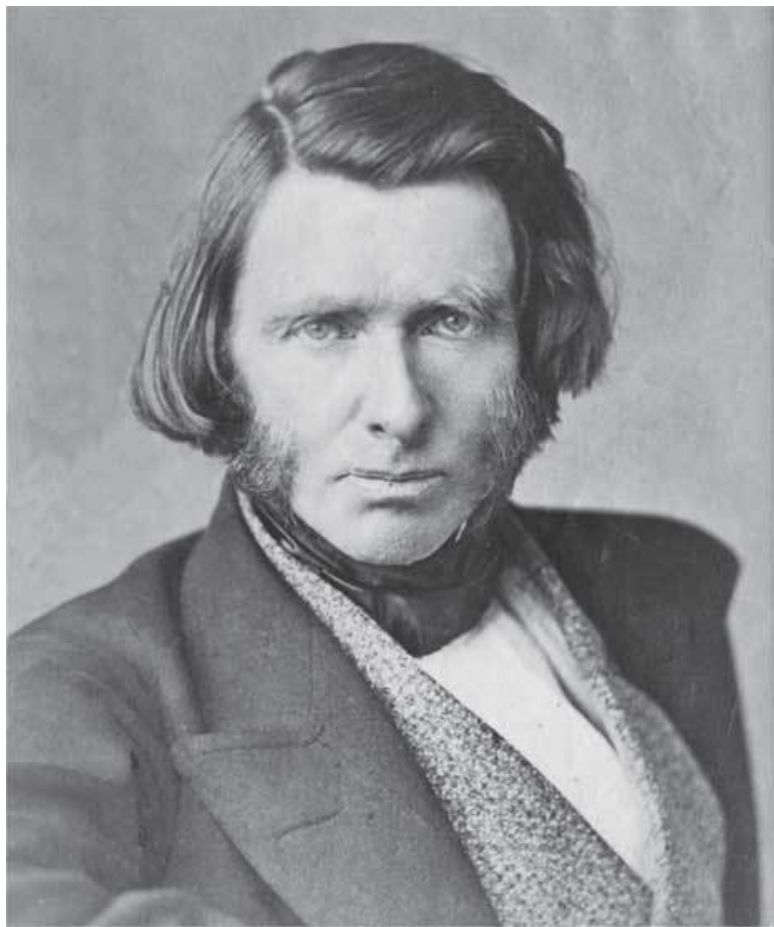
© Study of Leaves by John Ruskin. This edition published by arrangement with Ruskin Foundation (Ruskin Library, Lancaster University)

© Издание на русском языке, перевод на русский язык, оформление. ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик», 2015

* * *

«Даже после смерти он продолжает светить нам, как те погасшие звезды, чей свет все еще доходит до нас», и «именно его глазами, навеки закрывшимися в глубине могилы, еще не родившиеся поколения увидят природу».

Марсель Пруст

Искусство и нравственность

ВКУС И НРАВСТВЕННОСТЬ. – Хороший вкус есть нравственное качество. Ни одно из высказанных мною мнений не было так горячо и часто опровергаемо, как это. Нет, говорят мои противники, одно дело – вкус, другое дело – нравственность. Скажите нам, что красиво, мы вас выслушаем с удовольствием, но мы не нуждаемся в проповедях, даже если вы и способны проповедовать, что еще подлежит сомнению.

Позвольте мне подкрепить несколько мой старый догмат. Вкус не только часть или признак нравственного достоинства, это *единственная нравственность*. «Что ты любишь?» Вот первый и последний решающий вопрос, на который приходится отвечать всякому живому существу. Вовсе не безразлично и не произвольно мы любим одно и не любим другое; в этом заключается коренная функция всего нашего существа; сущность нашей природы определяется и выражается нашими вкусами. Развивать вкус у ребенка то же, что формировать его характер.

Девушка может петь о своей утраченной любви, но скряга не может петь о потерянных деньгах. С неуклонной точностью достоинство произведения искусства определяется

нравственной чистотой и высотой выражаемого им настроения. Это можно тотчас проверить на деле. Спросите себя относительно любого чувства, сильно овладевшего вами: может ли оно быть воспето поэтом, вдохновить его в положительном истинном смысле? Если да, то это благородное чувство. Если же оно воспето быть не может, или может быть воспето только в ироничном смысле, значит, это низкое чувство. То же происходит во всех областях искусства. Таким образом, с математической точностью, не допускающей никаких уклонений и никаких исключений, *искусство страны, какое бы оно ни было, служит критерием ее нравственного состояния*. Только критерием и возвышающим элементом; не причиной и не корнем. Вы не можете допеться и дописаться до того, чтобы сделаться хорошими людьми; вы должны быть хорошими людьми прежде, чем начнете петь и писать, и тогда звуки и краски дополнят все лучшее, что в вас есть.

ХВАЛА ТВОРЕНИЮ. – Искусство – это выражение разумного и дисциплинированного наслаждения, доставляемого человеку формами и законами той вселенной, которой он составляет частицу.

Во всех первоначальных определениях очень широких понятий всегда бывает некоторая неясность и недостаток точности; попытки сделать их точнее ведут к еще большей запутанности.

Конечно, я могу выразить приятелю свое разумное и дис-

циплинированное удовольствие при виде, например, пейзажа и не быть при этом художником. Однако искусство, несомненно, заключается в умении выразить это самое удовольствие; оно вызывается не только присутствием реального предмета, но иногда лишь сознанием существующего закона, при внимательном рассмотрении, оно всегда имеет источником не отдельное существование твари, а все творение, в которое тварь входит как часть.

Резвящийся козленок радуется только собственной жизни, – он не художник; но пастух этого козленка, вырезая из бревна фестоны для дверей своего дома, тем самым выражает, хотя и бессознательно, свое одобрение законам времени, меры и порядка, по которым движется Земля и Солнце светит с неба.

Поскольку искусство даже у животных управляется и дисциплинируется разумом, оно приближается к искусству человеческому, но не может с ним равняться, так как никогда, насколько мне известно, не выражает даже бессознательного благоговения перед всемирными законами. Действительно, песня соловья имеет прекрасный ритм, но в такой же степени можно найти его и в журчании ручья; птица и ручей одинаково не сознают управляющего ими закона. Соловей, правда, чувствует любовь и радость, а вода в ручье – ни того ни другого; но благодаря Богу, – любовь и радость не искусство и не ограничиваются человечеством. Любовная песня толь-

ко тогда становится художественным произведением, когда прелесть ее ритма пройдет через разум певца, будет упорядочена им и воспринята сознательно.

Далее, чтобы сделать наше определение более полным, мы должны вспомнить, что любовь к прекрасному выражается не только радостью обладания, но и печалью утраты; потому в искусстве много трагического и грустного. Но во всяком случае всякое истинное искусство есть прославление¹.

Великий закон этот не имеет исключений. Даже карикатура может быть художественной только по мере сознания красоты, отсутствие которой она преувеличивает. Чуждость карикатур, производимых людьми, не понимающими красоты, пропорциональна этому непониманию; даже для лучших художников привычка к карикатуре бывает пагубна.

Пусть будет это для вас руководящей истиной во всяком добром труде, источником здоровой жизненной энергии: ваше искусство есть прославление того, что вы любите. Оно может быть прославлением камня или морской раковины, прославлением героя или прославлением Бога; *высота, на которой вы стоите наряду со всем живущим, определяется*

¹ Как только художник забывает это и вдается в подражание, искусство перестает существовать. Его задача, какими бы то ни было, хотя бы самыми несовершенными средствами, передать идею прекрасного предмета, а не воплотить идею безобразную, хотя бы самыми совершенными средствами.

высотой и величиим того, что вы любите.

ВОЗЗВАНИЕ. – Великое произведете искусства есть работа всего человеческого существа, духа его и его тела, преимущественно духа. Но оно не только работа всего человека, оно также и обращение ко всему человеку. Я не могу вложить всю душу в свой труд, потратить на него все силы и жизнь, когда ты, мой зритель или слушатель, уделяешь мне только половину своего внимания. Ты всецело должен принадлежать мне, так же, как и я всецело принадлежу тебе; мы сойдемся только при этом условии. Все твои способности, все, что есть в тебе лучшего и великого, все должно быть настороже, – иначе я не получу своей награды. Художник не для того вкладывает в свое творение все сокровища человеческой природы, чтобы доставить удовлетворение только одной какой-нибудь потребности своего зрителя, не для того, чтобы усладить его зрение, или возбудить фантазии, затронуть сердце или навести на размышление; он должен сделать это все зараз. Чувства, воображение, сердце, разум, все существо духа воспринимающего должно замереть во внимании или затрепетать от восторга, – иначе дух творящий не достиг своей цели. Но если право его – встретить раскрытые объятия, то его долг – вызвать к ответу другую душу; так чист и ясен должен быть трубный глас его, что если даже по нерадению или невежеству никто не откликнется на него, все же значение его будет понято всеми; искусство взывает

к нам; если мы не идем на его зов, – вина в нас.

Вот чего мы требуем и просим у искусства. Большинство людей не знают сами, что таится в них, пока не раздастся такого призыва от других людей; они погружены в лэтаргию удушливыми испарениями житейской действительности. Величайшее благо сделает для них тот, кто крикнет им: «Проснитесь, спящие!».

ИДЕЯ КРАСОТЫ. – Для существования идеи красоты необходимо, чтобы чувственное наслаждение, лежащее в ее основе, сопровождалось прежде всего радостью, затем любовью к своему объекту и сознанием благости высшего разума, благодарностью и благоговением перед ним; вне соединения всех этих элементов ничто не дает нам идеи красоты, точно так же как тонкий запах и прекрасный почерк письма не дает понятия о самом письме, если мы не знаем его содержания и назначения; чувства, составляющие в своей сложности идею красоты, не проистекают из деятельности разума и не могут быть добыты ею; следовательно, эта идея независима ни от чувственности, ни от разума; в своей интенсивности и правде она дается только чистым, праведным, восприимчивым состоянием сердца; даже последующая, законная реакция разума на явления красоты зависит от силы чувств, пробужденных ею. Слова апостола в этом второстепенном значении так же верны, как и во всех остальных: люди отдаляются от жизни Божией по невежеству; разум их помрачает-

ся жестокосердием и, не имея чувства, они предаются пороку. Мы постоянно видим, что люди, от природы способные к сильному восприятию красоты, но не воспринимающие ее чистым сердцем, да и вообще никаким сердцем, никогда ее не понимают и не извлекают из нее пользы; они делают ее средством удовлетворения своих вожделений; обращают ее в приправу для своих низших чувственных наслаждений, на все их впечатления наложена одна и та же печать тления, и понятие красоты превращается в служение похоти.

То, что в наше христианское время является злоупотреблением и извращением идеи красоты, было во времена язычества ее эссенцией, лучшим, что она давала. У языческих писателей нет ни одного выражения любви к природе, которое бы не относилось к ее чувственной стороне. Они пользовались ее щедростью и уклонялись от ее власти, никогда не понимая, чему она их учила и щедростью и властью.

Приятные впечатления нежного ветерка, журчащего потока, прохладной чащи леса, ложа из фиалок и тени чинар воспринимались ими, может быть, более возвышенно, чем они воспринимаются нами; но ни о чем, кроме страха, не говорили им обнаженные скалы и угрюмые долины. Вереск был любим ими более за сладкий мед, чем за пурпурный цвет. Но христианская теория (Θεωρία)² находит предметы люб-

² Рёскин называет теорией высшее созерцание, способность, посредством которой душа воспринимает красоту. Термин этот заимствован им у Гегеля, в свою

ви везде, в том, что сурово и страшно, не менее чем в том, что благодушно; видит хорошее даже в грубом и будничном; иногда ее более радует мед, вытекающей прямо из скалы, пир, приготовленный в местах, несоответствующих пиру, в присутствии врагов, чем радовало бы более гармоничное, но менее чудесное празднество. Она ненавидит только самодовольство и надменность в труде человеческом, презирает все, что не проистекает от Бога, или не говорит о Нем, находит свидетельство о Нем даже там, где, по-видимому, Он забыт всеми, и обращает к славе Его то, что стремилось к ее омрачению. Ясным и смелым взором она смотрит на Бога, по обету Писания: Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят.

ВООБРАЖЕНИЕ – ОРУДИЕ ПРАВСТВЕННОСТИ. – Постоянно говорится, что человек по природе своей бессердечен. Не верьте этому. Человек по природе своей добр и великодушен, но он ограничен и слеп, с трудом понимает что-либо, кроме того, что непосредственно видит и чувствует. Он тотчас полюбил бы своих ближних так же, как самого себя, если бы мог представить себе их так же ясно, как представляет себя. Если на глазах самого грубого человека ребенок упадет в воду, человек этот, вероятно, сделает все возможное, чтобы спасти ребенка, даже с некоторой опасностью для себя, и весь город будет праздновать спасение одной ма-

ленькой жизни. Если тот же человек узнает, что сотни детей умирают от горячки вследствие отсутствия какой-нибудь санитарной меры, на которой ему затруднительно было бы настаивать, он и пальцем не пошевелит для ее проведения, а если бы и предпринял что-либо, то, вероятно, город стал бы противиться ему. Точно так же существование многих хороших женщин проходит в сцеплении мелких личных забот, мелких интересов и развлечений, почерпнутых из непосредственно окружающей среды, только потому, что никто не научил их заглянуть за пределы ее, и они ничего не знают о могучем мире, в котором блекнут их существования, как былинки сорной травы на бесплодном поле.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ВООБРАЖЕНИЯ В ЛИТЕРАТУРЕ. –

Все высокие чувства человечества, в сущности, заключены в двух формах любви – в любви половой, которая служит представительницей семейных привязанностей, и в любви к человечеству, которой, в случае нужды, должны быть принесены в жертву семейные привязанности.

Итак, всякое истинное человеческое счастье сводится к одной из двух форм любви, к любви половой или семейной, и к сочувствию; поддельное, ложное счастье добывается чувственностью, жадностью и тщеславием; оно дается без труда, взамен другого, человек, естественно, хватается за него, наполняет им свою жизнь и навсегда лишается возможности

узнать настоящее счастье.

Сочувствие³ выражается не столько в жалости, которую внушают нам люди, ниже нас стоящие, сколько в радости, которую нам доставляют люди, стоящие выше нас; в том и другом случае воображение, посредством которого мы понимаем природу другого человека, и способность ставить себя на его место обуславливает самое чувство. Человек, лишенный воображения, не способен ни к благоговению, ни к доброте.

Главное назначение литературных произведений и драмы – насколько возможно пополнить недостаток воображения в массе. Однако в характере самых этих произведений, судя по степени воображения автора, существует любопытное различие.

Во-первых, известно ли вам, что такое драма? Что такое поэма, что такое роман? Я хочу сказать, известны ли вам неизменные, необходимые различия литературной цели, вызвавшие употребления этих отличительных названий? Ради ясности назовем сначала все три рода произведений поэмами. Если они хороши, это действительно поэмы, будь они в стихах или в прозе. Всякое изображение человека, действи-

³ Рёскин употребляет в этом месте слово «compassion» именно в смысле русского слова «сочувствие» (лат. *compassion*), тогда как обыкновенно оно употребляется в смысле сострадания. – *Примеч. пер.*

тельно созданное фантазией, – поэтично; но существует три рода поэзии – драматическая, лирическая и эпическая.

Драматический поэт выражает чужие чувства и молчит о своих.

Поэт лирический выражает собственные чувства.

Поэт эпический рассказывает о внешних обстоятельствах и событиях жизни других людей и прибегает к выражению их чувств, а также и своих собственных, только по мере необходимости.

Следовательно, драматическая поэзия имеет дело исключительно с чувством, она презирует внешние обстоятельства.

Поэзия лирическая может говорить обо всем, что волнует душу поэта; эпическая настаивает на внешних обстоятельствах и выражает чувства настолько, насколько они отражаются в событиях.

Возьмем для примера поединок между принцем Уэльским и Готспером в «Генрихе IV»; по характеру события он совершенно соответствует поединку между Фитц-Джемсом и Родериком в «Деве Озера». Но Шекспир изобразил происшествие с точки зрения чисто драматической, а Вальтера Скотт – с эпической.

Шекспир не описывает ни удара, ни раны; его сценическое указание коротко: «Готспер ранен и падает». Скотт дает подробное описание всех внешних обстоятельств и заключительная черта делает его изображение образцовыми в смысле эпоса.

Таково техническое различие между тремя родами творчества, но степень силы каждого из них зависит от степени способности писателя поставить себя на место другого человека.

Свои ли чувства он выражает, или чувства других, выражает ли только их чувство, или передает окружающие их обстоятельства, сила его зависит от способности чувствовать за другого, или, иными словами, – вообразить себе другого.

Литературные произведения, лишенные всякой поэзии или чувства, совершенно антипоэтические, принадлежат людям, у которых нет воображения; достоинства их (конечно, я говорю не о плохой литературе) заключаются в остроумии и здравом смысле, заменяющих воображение.

Самое, в этом смысле, прозаическое произведение, какое я когда-либо читал в какой бы то ни было литературе – это «Генриада» Вольтера, образцовое творение человека с го-

ловую, настолько лишенной воображения, насколько может быть его лишен здоровый мозг в высшей степени развитого млекопитающего. С другой стороны, остроумие Вольтера и его логические способности почти настолько же сильны, насколько слаба фантазия. Он от природы добр, следовательно, искренно сочувствует всякому горю, какое может себе представить, и сильно негодует на несправедливости, не понимая их патетических причин. Далее, заметьте следующий очень странный и необъяснимый для меня факт, но тем не менее – факт.

Дар воображения всегда делает человека чище; отсутствие его, следовательно, действует обратно, а так как остроумие нередко развивается вследствие отсутствия воображения, то кажется, как будто само остроумие не вполне согласуется с душевной чистотой. У Пиндара, Гомера, Данте и Скотта колоссальная сила фантазии отражается девственной чистотой мысли. Слабость фантазии и могучий ум Попа и Горация сопровождаются порочностью мысли, в какой именно мере, трудно с точностью определить. «Кандид» Вольтера, грязный для грязи, блещущий остроумием и обличающий полное отсутствие воображения, есть типичное произведение литератора, которую всего вернее будет назвать «фимитической»⁴. Своим остроумием и частичной истиной,

⁴ От греческого слова *Θυμός*, которым Платон называл низшую часть души. – *Примеч. пер.*

в ней заключенной, она все-таки способна оказать некоторую услугу человечеству. Но низкие формы современной литературы и искусства – живопись Густава Дорэ, например, это извращение пессимистического мировоззрения национальной дряхлостью, – подлежат окончательному осуждению, за совершенной непригодностью ни для чего.

Один из самых любопытных вопросов относительно взаимодействия духовных способностей – насколько фимитическая зараза распространяется на людей, у которых в одинаковой степени и одинаково сильно развиты и логическое мышление и фантазия, как, например, у Шекспира, Аристофана, Чосера, Мольера, Сервантеса и Филдинга. Она всегда указывает на неспособную к симпатии, следовательно недобрую, сторону характера (так Шекспир изображает Яго не только самым жестоким на деле, но и самым грязным в мыслях негодяем); а между тем, это же самое душевное свойство ограждает людей с возвышенной душою от слабой восторженности и пустого идеализма. Тем не менее высшие условия нежности в любовной концепции доступны только девственно-чистому духу. Шекспир и Чосер, приступая к благороднейшей части работы, отбрасывают, как грубое платье, низшую сторону своей природы. Нужно заметить, что от чистоты сердца и чувства зависит также и способность создавать характеры индивидуальные, а не общие. Люди, лишённые этой чистоты, создают не характеры в настоящем смысле, а только символы человека вообще.

НАЗИДАТЕЛЬНОЕ ЗНАЧЕНИЕ КЛАССИКОВ. – Поэмы Гомера не преследуют дидактических целей, но, как всякое истинное искусство, они дидактичны по существу своему. Современное человечество становится все менее и менее чувствительно к такому их значению, а иногда даже совершенно его отрицает; это одно из любопытнейших заблуждений современности, своего рода узаконенная слепота. Вследствие долгой привычки обращать поэзию и искусства в средства забавы, человечество перестало понимать произведения тех времен, когда и поэзия и искусство имели значение дидактическое; вследствие долгой привычки к профессионально-нравственным поучениям, которые, однако, ради личных расчетов, тщательно закрывают глаза на все выдающиеся пороки времени (скупость, например), оно сделалось совершенно неспособным воспринимать существенно-этические творения расы, разделявшей всех людей на два обширных класса, – достойных и недостойных, годных и негодных. Даже знаменитые слова Го – рация об «Илиаде» теперь или читаются, или перетолковываются неправильно; принято думать, что «Илиада» не может быть поучительной, потому что она не похожа на проповедь. Го – раций не утверждает, что она была похожа на проповедь, и, вероятно, имел бы еще менее поползновений это утверждать, если бы удостоился когда-нибудь слышать проповедь. «Пока ты занят в Риме, – пишет он одному благородному римскому юноше, –

я, уединившись в Пренесте (древний город в провинции Рима, ныне Палестина. – *Примеч. ред.*) опять прочел эту Троянскую историю и мне кажется, что из нее можно лучше узнать, что хорошо и что дурно, что полезно и бесполезно, чем из всех вместе взятых речей Хризиппа и Крантора». Это глубокая истина не только относительно «Илиады», но и относительно всякого великого художественного произведения; оно всегда дидактично в самом чистейшем смысле, путем косвенным и сокровенным, так что, во-первых, способствует нравственному совершенствованию только в том случае, если сам человек уже усиленно работает над этим совершенствованием; а затем человек становится лучше, незаметно воспринимая влияние великого художественного произведения, проникаясь им так тонко и непрерывно, что сам не замечает этого, как не замечает здорового переваривания пищи. Благотворное действие искусства обусловлено также его особым даром сокрытия неведомой истины, до которой вы доберетесь только путем терпеливого откапывания; истина эта запрятана и заперта нарочно для того, чтобы вы не могли ее достать, пока не скуете, предварительно, подходящий ключ в собственном горниле. И Пиндар и Эсхил, и Гесиод и Гомер, все великие поэты и учителя всех веков и народов, всегда намеренно оставляют в своих произведениях многое недосказанным; более того, они и сами не всегда могут объяснить скрытый смысл своих слов, когда словами этими передаются настоящие творческие видения; смысл их истолко-

ываается иногда только по прошествии многих веков. Люди, передавшие нам самые великие мифы, видели их бессознательно и пассивно и с такой же поразительной ясностью, а иногда и с таким же полным отсутствием участия воли, как мы видим сны, когда наши сны бывают особенно ярки; это очевидность личного свидетельства, не подлежащего сомнению, и нравственного значения, никем не предвиденного, совершенно игнорируется современными учеными историками. Действительно, никакой исключительно ученый исследователь не только не поймет, но и не поверит в возможность подобного явления, так как оно составляет принадлежность творящей или художественной части человечества и может быть истолковано только людьми одинаково одаренными, в своем роде также способными грезить и иметь видения.

Таким образом, поэмы Китса или книга Мориса, почти равная им по красоте и далеко превосходящая их по силе, с которой она охватывает свой предмет, дает более верное понятие о религии и предании греков, чем самые обширные, но безжизненные научные исследования. Не потому, чтобы поэт воспринимал или передавал факты вполне правдиво, а потому, что правда его – правда жизненная, а не формальная. Точно так же в рисунках с натуры Рейнольдса или Гейнсборо многое неточно, многое неверно и неясно, а все же они в глубочайшем смысле правдивы и похожи. Наоборот, самая миниатюрность штрихов сообщает бесцветную слабость ра-

боте исторического анализа, а ненужное накопление внешних подробностей и самодовольная уверенность в том, что портрет похож, если измерена ширина лба и длина носа, лишает такое произведение всякого значения.

СТРАСТНОСТЬ И ВПЕЧАТЛИТЕЛЬНОСТЬ. – Я не боюсь этих слов, еще менее боюсь их значения. В последнее время много кричали против впечатлительности, но, уверяю вас, мы страдаем не от избытка ее, а от недостатка. Способность чувствовать более или менее сильно обуславливает большее или меньшее благородство, как в людях, так и в животных. Если бы мы были губками, произвести на нас впечатление было бы трудно; если бы мы были земляными червями, которые каждую минуту могут быть надвое разрезаны заступом, – слишком сильная впечатлительность была бы для нас зловредною. Но так как мы люди – она нам здорова; более того, самая наша человечность находится в прямой зависимости от нашей впечатлительности, и достоинство наше обуславливается мерою страсти, на которую мы способны.

Помните, я говорил вам, что непорочное великое общество Почивших⁵ не доступно никакому низкому или вульгарному человеку. Что, по вашему, подразумевал я под словом «вульгарный»? Что вы сами подразумеваете под словом «вульгарность»? Вот богатая тема для размышления;

⁵ Рёскин говорил о великих деяниях прошлого.

но в коротких словах сущность вульгарности определяется как недостаток впечатлительности. Простая, наивная вульгарность – только скупость душевных и телесных восприятий, обусловленная отсутствием образования и развития, но настоящая врожденная вульгарность подразумевает ужающую бесчувственность, которая становится источником всевозможных животных привычек, делает человека способным совершить преступление без страха, без удовольствия и без сострадания. Душевная бедность, низкое поведение и грубая совесть – вот что делает человека вульгарным; вульгарность его всегда соразмеряется с неспособностью к сочувствию, к быстрому пониманию, к тому, что совершенно правильно принято называть «тактом», осязательной способностью души и тела. Эта непонятная для разума тонкость и полнота ощущений руководит и освещает самый разум. Разум только определяет истинное, распознает созданное Богом доброе.

Никакое чувство, доступное человеку, не дурно само по себе; оно дурно только тогда, когда недисциплинированное. Достоинство его заключается в силе и справедливости, недостаток в слабости и несоответствии с вызвавшей его причиной.

Есть мелкий род удивления; например, удивление ребенка, который смотрит, как фокусник перебрасывает золотые

шары; удивление это низшего порядка. Но неужели вы думаете, что также низменно и не более сильно то удивление, которым наполняют душу человека летящие в ночном небе золотые шары, брошенные сотворившей их Рукою? Есть мелкий род любопытства; например, любопытство ребенка, отворяющего дверь, которую ему запрещено отворять, слуги, разведывающие дела своего господина; но есть любопытство другого рода, – это благородное любопытство; с опасностью жизни ищет оно истоков великой реки за песчаной пустыней, место великого материка за океаном; любопытство еще высшего порядка отыскивает истоки Реки Жизни и место Небесного Материка, – сами ангелы стремятся к такому знанию. Низменна та тревога, с которой вы следите за перипетиями и катастрофами пустого романа, но как вы думаете – не сильнее ли тревога, с которой вы следите, или должны следить, за судьбами умирающей нации, за ее агонией?

Увы, в современной Англии приходится оплакивать узость, эгоизм, мелочность чувства; чувство тратится на букеты и спичи, на пиры и празднества; на поддельные битвы и пестрые кукольные выставки; но когда на ваших глазах целая нация гибнет под ножами убийц – вы смотрите без слез и не пытаетесь спасти ее.

КАК ДОБЫТЬ ХОРОШЕЕ ИСКУССТВО. – Добыть хорошее искусство можно только одним путем, самым простым и

в то же время самым трудным, а именно – любить его. Взгляните на историю народов, и вы увидите ясно и несомненно великий факт, написанный на челе ее: хорошее искусство существовало только у тех народов, которые наслаждались им, питались им как насущным хлебом, грелись им как солнцем, ликовали при виде его, плясали от радости, ссорились и дрались за него, умирали за него с голоду, – словом, относились к нему как раз наоборот тому, как относимся мы; они берегли его, а мы его продаем.

Действительно, это серьезное затруднение для нашей торговой нации. Основной мотив, с которым мы приступаем к делу, уничтожить возможность его исполнения. Чтобы вещь годилась для продажи – первое и необходимое условие не желать ее продавать; более того, решиться ни за какие деньги ее не продавать, раз она попадет нам в руки. *Попробуйте сделать свое искусство популярным, дешевым, хорошим товаром для иностранного рынка, и иностранный рынок всегда вам покажет что-нибудь лучшее. Но занимайтесь искусством только для своего личного удовлетворения и решите, что никто другой не воспользуется им, сейчас вы увидите, что все пожелают его иметь.*

Искусство и религия

СУЕВЕРИЕ И РЕЛИГИЯ В ИСКУССТВЕ. – Я не пуританин, никогда не восхвалял и не защищал пуританского искусства. Если бы пришлось пожертвовать какими-нибудь картинами из нашей национальной галереи, всего труднее мне было бы расстаться с «Вакхом и Ариадной» Тициана и «Венерой» Корреджо. Но их благородный натурализм являлся плодом долгих лет мужественного терпения, воздержания и веры, то была полнота страсти в жизни Бритомарты. Зрелость и старость нации не имеют, однако, ничего общего со зрелостью и старостью благородной женщины. Дряхлость нации подразумевает ее преступность, причиной ее смерти может быть только болезнь, но определить по историческим данным истинные условия падения национального искусства почти невозможно в сколько-нибудь наглядной форме.

История искусства в Италии есть история борьбы между суеверием и натурализмом, воздержанием и чувственностью. Прогресс всегда определяется степенью торжества натурализма над суеверием; но победа чувственности над целомудрием была всегда вестницей смерти. Эти две распри шли неразрывно; невозможно отделить одну победу от другой. Прошу вас заметить, что я говорю о победе над суеверием, а не над верой. Нужно строго определить это различие.

Суеверие одинаково во все времена и у всех народов; это страх перед духом, который имеет человеческие чувства и действует по-человечески, присутствует в одних местах и отсутствует в других, сообщает святость некоторым местам, но не всем; милостив к одному человеку и немилостив к другому; доволен или сердит, судя по тому, достаточно ли оказывается ему внимания и достаточно ли почитают его; враждебен радостям человеческой жизни, но доступен подкупу: если отдать часть этих радостей, он позволит остальные. Вот в чем заключается сущность суеверия, под какой бы формой веры оно ни скрывалось.

Но религия – вера в дух милосердый ко всему им сотворенному, милосердый к неблагодарному и злему, пребывающий везде, так что нет таких мест, где бы его можно было искать, и нет таких, где можно было бы от него укрыться; все существа, времена и вещи для него священны во веки веков; он требует не десятины, не седьмого дня, а всего нашего богатства, всех дней нашей жизни, всего существа нашего; требует всего нераздельно только потому, что вся его радость в радости его созданий, и единственная их обязанность по отношению к нему и единственное возможное служение заключается в том, чтобы быть счастливыми. Это дух вечно милосердый, не способный к гневу и не нуждающийся в укрощении, создавши незыблемые и непреложные законы.

В истории искусства мы должны постоянно стараться от-

личать произведения религиозные от произведений суеверных, создания разума от созданий неверия, хотя отличить их можно только при самом ярком освещении. Религия повергает художника на службу богам духовно и телесно; суеверие делает его рабом церковной гордости или совершенно воспрещает ему работать, под влиянием страха или презрения.

Религия совершенствует формы кумира, суеверие коверкает их, делает страшными или смешными. Религия видит в богах владык спасения и жизни; окружает их славой любовного служения и торжеством чистой человеческой красоты. Суеверие видит в них владык смерти, умиляет их кровью и предает им себя в муках и одиночестве. Одна распространяется любовью и учит примером, другое распространяется войною и учит преследованием. Религия дала величественный гранитный алтарь египтянам, золотой храм евреям, украшенный изваяниями перистиль грекам, стрельчатые своды и расписанные стены христианам. Суеверие обратило в кумиры великолепные символы, которыми выражалась вера, оно поклоняется не истине, а картинам и камням, не делам, а книге и букве; в порывах фантастического отчаяния оно неустанно преклоняет колена в храме и в то же время распинает Христа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.